

ОЛЬГА БЕРГ

Суккуб



Ольга Берг

Суккуб

«Издательские решения»

Берг О.

Суккуб / О. Берг — «Издательские решения»,

И вслед за этим он почувствовал, осознал ярко, что мир этот конечен, что рано или поздно уйдет в небытие все, солнце, звезды, беспокойное человечество, с его противоречиями, злостью, ненасытной гордыней, жестоким страхом перед инаковостью, но родится ли оно потом? И вновь ли оно повторит себя таким, когда похожее на тихую меркнущую звезду будет стоять на пороге конца, перед ликом смерти? Стоит ли мстить и ненавидеть того, кто уже обречен на долгую каторжную работу коллективной души?

© Берг О.

© Издательские решения

Суккуб

Ольга Берг

© Ольга Берг, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

В монастыре святого Фомы случился переполох. Братья поймали суккуба. Двое монахов тихонько подкрались и накинули на нее сеть, обвязав для верности железной цепью. Умирая от страха, они часто крестились и лихорадочно бормотали молитвы всю дорогу, пока не водворили демона в темную сырую клетку монастырского подвала. Потом долго спорили около входа кто станет одевать на нее кандалы. Наконец привели старого слепого монаха, который на ошуп застегнул их на тонких лодыжках суккуба и тотчас был вытащен из клетки. Братья сбились в кучу во дворе и долго совещались, что делать с этим отродьем Сатаны. Кто-то предложил облить ее маслом и поджечь, кто-то говорил побить ее камнями, другие требовали устроить расправу в лучших традициях святой инквизиции, однако, ни один не соглашался войти в клетку, а тем более притронуться к ней, чтобы утащить в помещение специально и со знанием дела устроенное для еретиков и ведьм. Слепого монаха пришлось списать со счетов, так как после прикосновения к суккубу он немедленно слег и кашлял кровью, однако прозрел, чем вогнал в панический ужас и без того напуганных монахов. Наконец один из братьев сказал, что лучше послать за инквизиторами и настоятелем, который уже неприлично долго гостит в Риме. Пусть начальство само решает, что делать с нечистым, а они пока пойдут и вознесут молитвы Всевышнему о спасении души и обители, а заодно придумают, что делать с суккубом, пока настоятель и инквизиция едут в монастырь.

Как раз в то время, когда шипящая громким шепотом братия дискутировала возле монастырских застенков, в обитель вернулся брат Амадеус. Он был местным лекарем, прекрасно разбирался в травах и минералах, немного знал астрологию, неплохо рисовал, любил музыку и являлся на службу только для того чтобы послушать орган. Амадеус имел несносный характер. Он был замкнут и порою резок, а если и улыбался, то эта улыбка отсвечивала презрением или жалостью, так что всем казалось, что он единственный взрослый среди них. Его манеры высокомерного снисхождения до ближних своих, сильно раздражали монахов. Они немного побаивались Амадеуса, поэтому обращались в случае крайней необходимости. Но он был приближен к настоятелю, который страдал подагрой и болями желудка, и очень благоволил к Амадеусу, но особенно ценил своего лекаря за снадобья, которые тот в больших количествах заготавливал для поездок в дальние края и полоничества по святым местам. Хотя при монастыре и шушукались, что те самые «святые места» имеют иные названия и назначения, все же никто в открытую не решался бросить настоятелю в лицо такое обвинение. Ведь кое с кем из Рима тот был на короткой ноге, а кому то из инквизиции приходился близкой родней. Поэтому монахи молчали. Да и грех было роптать, их стол, не в пример другим монастырям, был обилен, откупоривать бочки с вином разрешалось не только по праздникам, за чтение еретических книг, коими была богата монастырская библиотека, не наказывали, да и к работе никто не принуждал.

Брата Амадеуса настоятель привез однажды из очередного путешествия. Никто не знал его прошлого, а сам Амадеус на расспросы старался отвечать вежливо и кратко. Друзей среди монахов он не завел и жил в своей лаборатории под самой крышей обители. Иногда настоятель вызывал его к себе, запирали дверь на ключ и долго о чем-то беседовал. Поэтому поползли слухи, что брат Амадеус был раньше то ли тамплиером, то ли алхимиком или тайным агентом папы. Однако видимых доказательств подобным слухам не нашлось, к тому же лекарь никогда не отлучался из монастыря дольше, чем на день, если ему было необходимо пополнить запасы

трав. Никто сейчас и внимания бы на него не обратил, если б не это страшное происшествие с суккубом.

Монахи окружили брата Амадеуса и наперебой рассказывали ему о случившемся. Он как всегда молча, но с видимым любопытством выслушал их историю и выразил желание узнать, что же они намерены делать с этим существом. Монахи ответили, что собираются решить это в трапезной, так как до приезда начальства пройдет еще несколько дней, а демона нужно как то покарать своими силами. Тогда Амадеус спросил, какую еще вину имеет нечисть, кроме той, что ей выпало несчастье родиться суккубом. Монахи загалдели опять и рассказали, указывая пальцами на закрытую скатертью тачку, которую зачем то спрятали под пышными ежевичными кустами, что суккуба они поймали как раз на месте преступления, над телами двух убиенных братьев в лесочке, недалеко от деревни куда те отправились служить тризну за какого то окочурившегося мужика, и по дороге домой стали жертвами этой бестии. Демоница перерезала им глотки, а потом еще рассматривала трупы, наверняка надеясь полакомиться не только священной плотью, но и поглотить их души. Амадеус задумался, кивнул головой и все отправились в трапезную.

Там монахи долго шумели и спорили, какую бы пытку пострашнее применить к сатанинскому отродью, но сделать это так, чтобы не касаться ее руками. Наконец придумали отсечь ей ноги косой, так суккуб точно никуда не сбежит, а потом достать длинные щипцы и жаровню. Тогда уж они вволю поглумятся над отпрыском нечистого. За спорами наступила ночь и братья единодушно решили подождать утра, так как ночью любая нежить может прийти ей на помощь, а с первыми петухами, как известно, дьявольские силы слабеют. И поплотнее прижавшись друг к другу, удалились в часовню на всеношную. Никто не заметил, что брат Амадеус остался за столом один, погруженный в мрачные раздумья. Когда двери часовни заперли изнутри на засов, и оттуда послышалось воодушевленное песнопение, он взял факел и отправился к подвалу.

Конечно, он не верил ошалевшим монахам. Скорее всего, думал Амадеус, этим болванам удалось поймать какую – нибудь деревенскую сумасшедшую, которая волею случая оказалась рядом с трупами. Бедняге здорово досталось, когда ее побили цепями, и скорее всего она уже испустила дух в своей камере. Амадеус открыл тяжелый запор, и стал осторожно спускаться в каменное подземелье. Медленно продвигаясь по длинному сырому коридору, он вдруг остановился, будто наткнулся на неожиданное и невидимое препятствие. Звук красивой мелодии струился из мрака, ее напевали в полголоса, и завораживающей грустью, мелодия эта, обволакивала ледяное сердце. И язык показался ему знакомым, греческий или арабский, просто слов не разобрать. Но как только он подошел к решетке, пение прекратилось. Очарованный странностью момента и немного растерянный стоял Амадеус, удерживая факел, пока взгляд его не упал на пятно света, в котором виднелся кончик ярко – красного хвоста с длинной кисточкой. Амадеус отпрянул, а хвост с легким шорохом тот час втянулся в сумрак. Наступила тишина, в которой он слышал лишь удары собственного сердца, треск огня и прерывистое дыхание из угла камеры.

– Я знаю, кто убил их, – грустно произнес приятный голос из тьмы.

Брат Амадеус прикрыл глаза, глубоко вздохнул и вытер испарину, но любопытство исследователя взяло верх.

– Можно мне взглянуть на тебя? – спросил он.

– Вряд ли тебе понравится моя внешность, – послышался ответ.

Амадеус осмелел и подошел ближе.

– И все же я не из пугливых, – сказал он.

Звякнула цепь, в слабом свете факела Амадеус увидел суккуба. Она сидела, обхватив руками колени, хвост, тонкий и гибкий, обвился вокруг ног, глаза ее были закрыты, а большая грудь мешала съежиться совсем. Он видел тонкий профиль, маленькие ушки с заостренными

концами, волосы, уложенные в сложную прическу из мелких косичек. Все существо от корней волос до кончика хвоста было ярко – красного цвета. Она выглядела испуганной и скорее смирившейся со своей участью.

– Я думал ты намного больше и страшнее, – произнес Амадеус.

– Эти монахи так не считают, – горестно отозвался суккуб.

Амадеус присел на корточки.

– Ты чувствуешь боль? – спросил он и увидел как суккуб кивнула головой.

– У меня есть тело, – сказала она.

– Завтра тебе предстоит мучительная смерть, – сказал Амадеус.

Суккуб обреченно кивнула головой.

– Тебе будет жаль, – вдруг сказала она.

Брат Амадеус задумался на секунду, затем снял с пояса один из ключей и протянул его через толстые прутья. Сердце замерло в ожидании. Наконец из тьмы возникло лицо, гладкое и глянцевое. У нее отсутствовали брови и ресницы, но, несмотря на это Амадеусу оно показалось милым. Суккуб открыла глаза, желтовато – коричневые с продолговатым кошачьим зрачком. Она застенчиво улыбнулась, и маленькая красная лапка осторожно взяла ключ из руки Амадеуса. Даже после того, как суккуб, звякнув цепью, скрылась, предусмотрительно оставив ключ около решетки, он все еще продолжал сидеть некоторое время на полу. Его била мелкая дрожь, но в душе он чувствовал легкость и удивлялся самому себе, что так быстро прошел его страх перед демоном, будто был отброшен как старое покрывало, которое мешает видеть и понимать нечто особенное. Свою встречу и разговор с этим существом он осознавал сейчас как самое значительное событие в своей жизни и жалел, что все так быстро закончилось.

Утром братья не обнаружили суккуба и завелись так, что пропустили обедню и обед. Искали везде, собравшись взьерошенными группками, вооруженные чем попало. Амадеус, чтобы не вызвать подозрений, искал вместе с ними, и посмеивался злорадно в душе, что лишил монахов кровавого развлечения. В сумерках поплелись на молебен, провели его кое как, а потом уставшие и унылые, испив из винных бочек, разбрелись по кельям.

Ночью брат Амадеус вспомнил сцену с братом Стефаном, который не позволял хоронить убиенных монахов до приезда настоятеля. Нагородил кучу чепухи, что якобы к ним прикасалась рука нечистого, поэтому настоятель с инквизицией пусть сами решают, что делать и по какому обряду. Амадеус сказал, что летом, как известно, трупы разлагаются быстрее, поэтому убитых лучше кремировать, пока они не превратились в прибежище легиона мух. А если потом начнутся болезни? А если эпидемия? Он как доктор может оказаться бессильным перед такой опасностью. А когда настоятель спросит, почему вовремя не избавились от мертвецов, он, Амадеус, сразу укажет на брата Стефана, если брата Стефана к тому времени не съедят черви. Наконец ему удалось убедить глупого служку сжечь трупы, потому что пришлось наболтать напоследок про очистительный огонь и всякую другую суеверную ерунду. Ему поварили, но разрешили провести кремацию на следующий день, потому что ночь скоро, и нечисть не дремлет и т. д. Амадеус ругая про себя всех монахов и их глупость, удалился к себе и лег в постель. Сон не шел, тогда он запалил маленькую свечку и долго лежал с открытыми глазами. Он смотрел на небольшое распятие и мысленно объяснял в том, что укору совести никогда не мучили его, что ни за какие свои поступки он не чувствует ни стыда, ни потребности в покаянии. «Наверное это гордыня, – думал он без всяких угрызений совести. – Я не утверждаю, что был всегда прав, – обращался он к распятию. – Но в моей душе нет стыда, нет укора за мои деяния. Почему? Почему я всегда поступаю так, будто кто – то еще живет во мне и иногда руководит моим разумом и телом? Не дьявол ли это? Ах если б мне хоть немного суеверия и невежества от братьев моих, насколько бы легче стала жизнь!» Потом он вспомнил суккуба, и долго вздыхал и ворочался, пока не заснул. Ему приснилась пустыня, и он тяжело брел с посохом из высохшей сучковатой коряги, и вороны с черными глянцевыми глазами кру-

жились над его головой. Солнце нещадно палило, и над собой он слышал лишь сухой треск крыльев. Сколько бы он не шел, кругом расстилалось лишь выжженное пространство, белые дюны, белое солнце, белое искристое небо, которое сливалось с землей. И непонятно было где ступает он, где почва и где твердь, верх и низ, все стало единым. Но вдруг пошел снег, повело приятной прохладой, а из пространства, отовсюду он слышал приятный мелодичный голос, который звал его по имени.

Амадеус открыл глаза и чуть не вскрикнул, увидев суккуба, которая склонилась над ним. Ее едва прикрытая грудь почти касалась лица Амадеуса, одной рукой она держала небольшую плоскую шкатулку, другой гладила его лоб и виски. Выражение ее лица было тревожным, и когда она увидела, что Амадеус открыл глаза, то испуганно отдернула руку, а он от неожиданности шархнул в сторону.

– Ты меня напугала, – прошептал Амадеус.

Суккуб виновато улыбнулась.

– Я понимаю, но нужно было разбудить тебя, – сказала она.

Сердце все еще бешено колотилось, но он прекрасно осознал, что сон закончился и он возвратился в реальность. Амадеус нервно вздохнул и протер глаза.

– Тебе опасно здесь находиться, – сказал он.

Суккуб завертела головой.

– Нет, нет, никто не заметит. Я пришла поблагодарить тебя

Она подошла к кровати и возложила шкатулку на дрожащие колени Амадеуса. Заметив это, суккуб быстро отступила и присела на краешек стула напротив.

– Это документы о тебе и твоих родителях, – сказала она. – Это подарок тебе от нас.

Амадеус медленно открыл черную крышку, вытаскивал и перечитывал желтоватые листы, написанные то аккуратным почерком, то размашистыми каракулями. Он узнал, что по рождению имел знатное происхождение, что его родители были баронами и он их единственный сын и наследник. В следующем документе стояла дата и число, когда Амадеус прибыл, а точнее был привезен в монастырь, где провел детство и юность, но зная наизусть святое писание, так и не научился молиться, а уразумел лишь одну науку – выживать любой ценой. Здесь он привык при разговоре не поднимать глаз выше губ собеседника, а слушать его голос, интонацию, малейшие изменения которой указывали на перемену настроения и истинные помыслы говорящего. Здесь он прошел школу тонкой лести, поэтому всегда был приближен к начальству, обретая покровителей и некоторые привилегии. Здесь он впервые испытал чувство искренней привязанности и смертельную тоску от потери. Тогда он сам напросился в ученики к старому монаху, которого все считали алхимиком, поговаривали, будто сам черт служит ему за работой, а на деле тот был ученым, врачом, лечившим настоятеля и братию. Амадеус полюбил старика, сумел завоевать его доверие и сделаться его приемником. А когда монах умер, тяжело переживал утрату, чувствуя себя осиротевшим и несчастным. В этой обители, своей первой семье, он познал глубокое лицемерие и ненасытную жадность, из которых люди слепили себе бога по образу и подобию своему, и молились ему алчно, с искупленной страстью подбрасывая в жертвенный огонь все новые и новые души. Брат Амадеус видел глаза монахов, лица прихожан, мужчин, женщин, старых и молодых. Они были рабами, жаждавшими власти. Он видел обман и грязь, и обезьяний визг плоти братьев своих при виде красивых женщин или молодых юношей. Какое вождение горело в опущенных глазах! А когда губы бубнили очередную молитву, он видел какие жгучие картины стояли перед их мысленным взором, и как не вязалось все это с усердными поклонами и хулой на Сатану. Амадеус ярко вспомнил свое детство, свою улыбочивую замкнутость и холод презрения к этому маленькому королевству разврата и его подданным.

Он очнулся от воспоминаний и перевел взгляд на суккуба, которая с любопытством разглядывала его келью, вытягивая длинную шейку. Одна из косичек выбилась из замысловатой

прически, легла красной змейкой на маленькое ухо, обозначив острый изгиб узора раковины. Амадеус заметил, что суккуб была небольшого роста, красное, будто с содранной кожей тело, блестело, а наготу скрывало подобие одежды – сплетенное из красных веревочек короткое платье, на ногах были одеты золотые сандалии с длинными цепочками, которые завязывались у колена. Амадеус одернул себя и снова погрузился в чтение документов.

– Кто украл меня из семьи? – спросил он.

Суккуб обернулась.

– Твоя бабушка, – ответила она.

– Зачем?! – недоумевал Амадеус.

– Она не любила тебя и твою мать, и считала, что у тебя другой отец.

Амадеус захлопнул крышку шкатулки.

– Ты принесла мне эти бумаги, чтобы я смог найти своих родителей и стать тем, кем являюсь на самом деле?

Суккуб с улыбкой кивнула.

– Однако тебя никто не принуждает к этому, только ты сам волен сделать выбор.

Амадеус с минуту смотрел в овальные прорези ее зрачков, в которых мерцал огонек свечи.

– Я хочу уйти отсюда, прямо сейчас, – сказал он.

Суккуб соскочила со стула.

– Тогда я тебя провожу, – сказала она.

Он ничего не взял с собой, да и что было брать монаху кроме рясы и собственных мыслей. Сердце его наполнилось радостью и трепетом от предстоящего приключения, которое открывало ему новое будущее, почти королевские блага и большие возможности, все то, о чем он и мечтать не смел. Брат Амадеус с легкостью оставил монастырь, устроив напоследок погребальный костер из убитых братьев.

– Это последнее, что я мог сделать для этого дома. Пусть дальше молятся своему мертвому богу, своим страхам и своему похотливому настоятелю, только теперь без меня, – произнес он.

Когда они вышли за ворота, суккуб спросила, почему никто не заметил костра, и разве не положено охранять обитель?

– Вероятно, все они пьяны, – ответил Амадеус. – Настоятель вернется, когда пожелает, а письмо от монахов примет за слишком разыгравшееся воображение или белую горячку. Такие случаи бывали здесь.

Они сели отдохнуть уже на рассвете. В лесу только начали петь первые птицы, и сырая прохладная дымка стелилась по траве между стволов. Амадеуса спасала ряса, и он примостившись к дереву, следил сквозь полуприкрытые веки за голым суккубом. Она устроилась около кустов напротив, обхватив руками колени и, казалось, впала в дрему, что – то тихо напевая. Мелодия завораживала, и обратившись в слух он старался следовать за этой простой и тонкой вязью звуков, которые почему то так сильно затронули его душу. Он тайком рассматривал суккуба, делая вид, что дремлет. Лицо без бровей и ресниц, сплошная кожа, глянцевая, как загустевшая свежая кровь на солнце. Она казалась инородным телом среди пышной темной зелени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.